

A black cat is standing on its hind legs, looking out of a large, ornate window. The room is filled with light from the window, which has red curtains. The cat is standing on a patterned rug. In the background, there is a large, ornate wooden cabinet or desk with various items on it, including a teapot and cups. The room has a classic, elegant feel with gold-colored trim and a large mirror on the wall.

Александр Восьмой

**Комедия Королева
Охуэла 4**

Александр Восьмой
Комедия Королева Охуэла 4

«Автор»

2026

Восьмой А.

Комедия Королева Охуэла 4 / А. Восьмой — «Автор», 2026

В причудливом дворце, где шторы спорят, тени дают советы, а придворный кот устраивает перевороты из за сливок, правление — это искусство компромисса и абсурда. Королева Охуэла балансирует между дипломатией и мечтой открыть пекарню, паж Обосаж раз за разом проваливает простые поручения — и случайно спасает королевство, герцог ПалаМал ведёт изящную войну за лучший вид на закат, а шут Тантакли прячет мудрые предупреждения в самых нелепых шутках. Здесь этикет — оружие, элегантность — стратегия, а настоящая сила рождается в умении слышать даже тех, кто просто мяукает. Это история о том, как череда комичных катастроф превращается в эпичное приключение, где героизм прячется в простых поступках, а мудрость — в умении творчески переосмысливать правила.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Комедия Королева Охуэла 4

Глава 1. «День, когда трон чуть не уплыл»

Рассвет в королевском дворце всегда наступал торжественно — будто само солнце старалось не шуметь, чтобы не нарушить величие мраморных колонн и не спугнуть позолоту на карнизах. Но в это утро торжественность трещала по швам.

Королева Охуэла вошла в тронный зал с привычным намерением править мудро. В руках — свиток с бюджетом, в голове — план реформ, в душе — лёгкая надежда, что сегодня обойдётся без катастроф. И тут же поняла: не обойдётся.

Трон был занят.

На бархатной подушке, гордо выгнув спину и подняв хвост вопросительным знаком, восседал Бархатный Мяу — придворный кот, любимец тётушки министра финансов и, по совместительству, самый капризный подданный королевства. Он смотрел на Охуэлу так, будто это она вторглась в его владения, а не наоборот.

— Это... мяу, — произнёс Бархатный Мяу с интонацией, не терпящей возражений.

В зале повисла тишина, нарушаемая только шорохом свитка, который Охуэла невольно смяла в пальцах.

Министры, собравшиеся на утренний совет, застыли в разных степенях недоумения. Министр торговли приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать, но тут же закрыл — видимо, решил, что любые слова сейчас будут звучать как оправдание. Министр культуры нервно поправил манжеты, словно надеялся, что безупречный вид спасёт ситуацию. А министр финансов вообще сделал вид, что он тут ни при чём, и начал очень внимательно изучать узор на ковре.

— Господа, — тихо, но твёрдо произнесла Охуэла, — перед нами... государственный инцидент.

— Мяу, — подтвердил Бархатный Мяу, будто ставил подпись под историческим документом.

Герцог ПалаМал, вошедший в зал с таким видом, будто он только что спас королевство от нашествия драконов (хотя на деле он просто выбрал идеальный галстук к утреннему свету), окинул сцену взглядом, в котором смешались аристократическое презрение и неподдельный интерес.

— Кажется, мы имеем дело с мятежом, — произнёс он, слегка склонив голову. — Вопрос лишь в том, признавать ли его полноценным восстанием или квалифицировать как каприз с политическими амбициями.

Придворный шут Тантакли, до этого момента тихо хихикавший в рукав, вдруг выпрямился и хлопнул в ладоши:

— О, это великолепно! Мятеж из-за сливок! История будет петь об этом веками! «Бархатный Мяу и падение монархии»! Или, может, «Как кот завоевал трон и потерял аппетит»!

Охуэла метнула на него взгляд, в котором читалось: «Если ты сейчас не замолчишь, я назначу тебя главным дегустатором всех блюд в подземелье». Тантакли тут же притворился, что закашлялся.

Паж Обосаж, стоявший у колонны и мечтавший о подвигах вроде спасения принцесс или сражений с чудовищами, вдруг понял, что судьба подбросила ему первое испытание. И оно выглядело... странно.

— Ваше Величество, — прошептал он, делая шаг вперёд, — я могу... попытаться его уговорить?

Охуэла посмотрела на него так, будто он предложил ей решить проблему с помощью танца с бубном. Но выбора не было.

— Сделай это так, чтобы кот не обиделся, — сказала она, понизив голос. — Тётушка министра финансов очень привязана к Бархатному Мяу. Если он уйдёт в оппозицию, у нас будут проблемы не только с этикетом, но и с бюджетом.

Обосаж сглотнул. Перед ним сидел не просто кот. Перед ним сидел символ дворцовой дипломатии, воплощение каприза и, возможно, самое влиятельное существо в королевстве.

Он медленно приблизился к трону, стараясь не делать резких движений.

— Уважаемый Бархатный Мяу... — начал он, подбирая слова так тщательно, будто составлял государственный договор. — Мы все очень ценим ваше присутствие. И, конечно, никто не сомневается в вашем праве на... э-э... стратегическое расположение. Но, возможно, трон — это слишком... ответственно? Может, вам подойдёт кресло рядом? С пледом? И, разумеется, со сливками.

Бархатный Мяу прищурился. Казалось, он взвешивает каждое слово, как министр — каждую строчку бюджета.

— Мяу, — произнёс он наконец, но уже не так уверенно.

Тантакли, не выдержав, фыркнул:

— Он торгуется! Он торгуется за сливки! Это самый элегантный мятеж в истории!

ПалаМал бросил на него ледяной взгляд:

— Тантакли, если ты сейчас не притворишься, что ты — тень на стене, я лично назначу тебя ответственным за переговоры с чайниками.

Шут тут же замер, изображая абсолютную невидимость.

Охуэла тем временем подошла ближе, держа в руках маленький серебряный кувшинчик.

— Смотри, Бархатный, — сказала она мягко, но с той интонацией, которой обычно объявляют амнистии и новые налоги. — Вот сливки. Самые свежие. Их привезли с утренней фермы, и они такие густые, что ложка в них стоит. Но трон... трон — это не место для отдыха. Это место для принятия решений. А ты у нас — не министр. Ты — министр уюта.

Кот посмотрел на кувшинчик. Потом на трон. Потом снова на кувшинчик. В его глазах читалась внутренняя борьба, достойная эпической поэмы.

И вдруг он спрыгнул — не спеша, с достоинством, будто делал это не потому, что его уговорили, а потому, что сам так решил.

— Мяу, — сказал он, направляясь к кувшинчику.

Зал выдохнул. Министры переглянулись, будто только что пережили землетрясение. ПалаМал едва заметно кивнул, как человек, который только что предотвратил международный конфликт одним взглядом. Тантакли снова ожил и прошептал:

— Я же говорил — это будет легендарно.

Охуэла поставила кувшинчик на пол, наблюдая, как Бархатный Мяу погружает мордочку в сливки с таким видом, будто подписывает мирный договор.

А потом она посмотрела на Обосажа и улыбнулась:

— Ты только что провёл свою первую дипломатическую операцию. Поздравляю.

Обосаж хотел было возразить, что это не совсем то, о чём он мечтал, когда представлял себе подвиги, но вовремя прикусил язык. Потому что в этом дворце даже спасение трона от кота могло стать началом большой истории.

За окном солнце поднималось выше, заливая тронный зал золотистым светом. Шторы слегка шевельнулись — будто аплодировали. А где-то в глубине дворца уже назревала следующая катастрофа: кто-то забыл подать чай к завтраку. И это, судя по всему, обещало быть не менее эпичным.

Глава 2. «Корона, которая летает сама по себе»

Срочное заседание Совета Четырёх Углов (так в королевстве называли утренние совещания, потому что все министры неизменно рассаживались по углам зала, будто опасались, что

центр может оказаться ловушкой) шло по привычному сценарию: министр финансов хмуро бормотал что-то про «дефицит позолоты», министр культуры вздыхал о том, что «эстетика страдает от прагматизма», а министр торговли пытался незаметно подложить под себя подушку — стулья в зале были до обидного строгими.

Королева Охуэла сидела на троне, стараясь выглядеть так, будто она полностью контролирует ситуацию, хотя в голове у неё уже третий раз за утро прокручивалась мысль: «А что, если открыть пекарню прямо в оранжерее? Там столько света...»

И тут случилось то, что заставило даже подушки министра торговли потерять свою значимость.

Корона.

Она шевельнулась.

Сначала это выглядело как лёгкое подрагивание — будто от сквозняка. Но сквозняков в тронном зале не бывало: окна здесь не открывали из принципа, а шторы, как было известно каждому слуге, предпочитали сохранять достоинство и не колыхаться без веской причины.

Потом корона приподнялась на добрых три пальца над головой Охуэлы.

— Это... — начала Охуэла, подбирая слово, которое могло бы описать происходящее без паники.

— Мяу, — раздалось откуда-то сбоку. Бархатный Мяу, наблюдавший за заседанием с подоконника, прокомментировал ситуацию с той невозмутимостью, которая бывает только у котов, уверенных, что всё вокруг — лишь декорации к их личной драме.

А корона тем временем оторвалась окончательно.

Медленно, с видом оскорблённого достоинства, она поднялась выше, сделала изящный полукруг, будто проверяя акустику зала, и вдруг сорвалась в стремительный вираж — прямо над головами министров.

В зале воцарилась тишина, нарушаемая только тихим «ой» министра культуры, который инстинктивно пригнулся, будто корона могла его укусить.

Охуэла медленно подняла взгляд.

— Кто-нибудь, — произнесла она очень спокойно, с интонацией, которой обычно объявляют амнистии и казни, — объясните мне, почему моя корона летает.

Герцог ПалаМал, который до этого момента изучал складки на шторах с таким вниманием, будто от этого зависела судьба королевства, выпрямился. Его лицо оставалось безупречно спокойным, но в глазах мелькнуло то самое выражение, которое появлялось у него всякий раз, когда ситуация выходила за рамки этикета.

— Судя по траектории, — произнёс он, слегка наклонив голову, — это не случайность. Это заявление. Корона явно хочет что-то сказать. Вопрос лишь в том, насколько вежливо мы готовы её выслушать.

Придворный шут Тантакли, до этого момента тихо хихикавший в рукав, вдруг вскочил на стол (что само по себе было нарушением трёх дворцовых уставов), раскинул руки и провозгласил:

— О, великие небеса! Корона восстала! Она устала от тяжести государственных забот и решила взять отпуск! Возможно, она мечтает о путешествии на юг, где тепло и нет министров!

Охуэла метнула на него взгляд, способный остудить даже вулкан.

— Тантакли, если ты сейчас не сядешь, я назначу тебя ответственным за переговоры с чайниками.

Тантакли тут же плюхнулся обратно, но улыбка у него осталась — широкая, дерзкая и подозрительно довольная.

Паж Обосаж, стоявший у колонны и мечтавший о подвигах вроде спасения принцесс или сражений с чудовищами, вдруг понял, что судьба снова подбросила ему испытание. И оно выглядело... странно.

Корона тем временем сделала ещё один круг, на этот раз чуть ниже, и пронеслась прямо над головой Обосажа, едва не задев его причёску.

Он инстинктивно подпрыгнул.

И поймал.

На долю секунды ему показалось, что он наконец-то совершил настоящий подвиг. Что сейчас все министры встанут и зааплодируют, а ПалаМал скажет: «Вот он — истинный герой».

Но потом что-то пошло не так.

Канделябр, стоявший рядом с колонной, вдруг покачнулся. Обосаж, пытаясь удержать равновесие после прыжка, махнул рукой — и канделябр рухнул с таким грохотом, будто в зале взорвался фейерверк.

Ваза эпохи Третьей Династии, стоявшая неподалёку, решила, что оставаться на месте в такой ситуации — невежливо, и последовала за канделябром. Звук был такой, будто кто-то уронил сразу сто фарфоровых надежд.

А затем, словно этого было мало, дверь в дальнем конце зала захлопнулась — резко, со стуком, от которого даже шторы вздрогнули. И прямо перед носом герцога ПалаМала, который как раз собирался сделать шаг вперёд, чтобы спасти положение.

ПалаМал замер. Его лицо оставалось безупречным, но в воздухе повисло напряжение, которое можно было резать ножом для масла.

Обосаж стоял посреди этого хаоса, держа в руках корону, и чувствовал, как его мечта о подвигах рассыпается на мелкие осколки — буквально.

— Я... — начал он, пытаясь подобрать слова, которые могли бы всё это оправдать.

— Не надо, — тихо сказала Охуэла, поднимая руку. — Просто положи её. Очень аккуратно.

Обосаж осторожно водрузил корону на место — на этот раз так бережно, будто она была из тончайшего стекла.

Корона замерла. И, казалось, даже слегка вздохнула.

ПалаМал наконец открыл дверь, которую она так невежливо захлопнула, и вошёл обратно в зал с таким видом, будто ничего не произошло. Но в его глазах читалось: «Этот дворец становится слишком живым».

Тантакли, всё ещё сидя на столе, тихо пропел:

— Сквозная магия, сквозная магия... В этом замке даже шторы имеют мнение, а корона — характер!

Охуэла посмотрела на него, потом на Обосажа, потом на осколки вазы, потом на канделябр, лежащий на боку, как усталый стражник.

— Да, — сказала она наконец, устало потирая висок. — В этом дворце даже шторы имеют мнение. И, кажется, корона тоже.

ПалаМал слегка поклонился, будто признавая этот факт как часть государственной политики.

— Тогда, Ваше Величество, предлагаю внести в протокол: корона имеет право на перерыв. Но только после заседания.

Министры переглянулись. Кто-то нервно хихикнул. Кто-то сделал вид, что изучает трещины на полу.

А Бархатный Мяу спрыгнул с подоконника, подошёл к осколкам вазы, внимательно их обнюхал, фыркнул и ушёл, будто говоря: «Я тут ни при чём. Я вообще против фарфора».

Охуэла глубоко вздохнула.

— Продолжаем совет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Но сначала кто-нибудь уберите это. И найдите мне чашку чая. Крепкого.

Обосаж, всё ещё дрожа от адреналина, посмотрел на ПалаМала, будто ища одобрения.

ПалаМал едва заметно кивнул — один короткий, едва уловимый жест, в котором было больше признания, чем в любых аплодисментах.

— Ты действовал... решительно, — произнёс он тихо, так, чтобы слышал только Обосаж. — А в этом дворце решительность — уже половина успеха. Даже если она сопровождается разрушениями.

Обосаж улыбнулся — неуверенно, но искренне.

За окном солнце поднималось выше, заливая зал золотистым светом. Шторы слегка шевельнулись — будто перешёптывались, обсуждая последние события. А где-то в глубине дворца уже назревала следующая катастрофа: кто-то забыл подать чай к завтраку. И это, судя по всему, обещало быть не менее эпичным.

Глава 3. «Дракон, подсвечник и искусство оправданий»

Восточное крыло дворца всегда держалось особняком — будто знало, что ему доверено хранить не просто старые гобелены и пыльные сундуки, а нечто куда более внушительное. И внушительность эта сейчас сотрясала стены рёвом, от которого даже пауки в углах, казалось, подтягивали свои сети и делали вид, что они тут ни при чём.

Паж Обосаж мчался по коридору, перепрыгивая через половицы, которые имели привычку поскрипывать с интонациями осуждения, и думал о том, что утро начиналось так многообещающе: ему доверили отнести герцогу ПалаМалу записку с пометкой «строго конфиденциально, передать лично в руки, не роняя по дороге». Но потом раздался грохот, за ним — рёв, а потом кто-то закричал: «Дракон проснулся!», и все планы на «тихую службу без катастроф» рассыпались, как песок сквозь пальцы.

Когда Обосаж ворвался в зал восточного крыла, картина предстала эпичная и одновременно нелепая.

В центре зала, занимая почти всё пространство, сидел дракон. Не какой-нибудь декоративный, для украшения герба, а настоящий: чешуя отливала бронзой, глаза горели янтарным огнём, а хвост нервно постукивал по полу, выбивая из камня мелкие искры. Перед ним, на полу, лежал опрокинутый подсвечник — тот самый, который, по дворцовой логике, «сам упал», но все почему-то сразу подумали на Обосажа.

— Это был не я! — выкрикнул паж, прежде чем успел подумать, насколько это звучит по-детски.

Дракон медленно повернул голову. Его взгляд был тяжёлым, как королевский указ, и таким же не терпящим возражений.

— Я слышал шум, — пророкотал он, и голос его прозвучал так, будто камни сами складывались в слова. — И видел, как металл ударился о камень. И теперь я хочу объяснений.

Обосаж сглотнул. В мечтах о подвигах он представлял себе битвы с ордами чудовищ, спасение принцесс из башен и благородные поединки. Но никто не предупреждал, что первым серьёзным испытанием станет необходимость убедить древнего дракона, что упавший подсвечник — это не акт агрессии, а...

А что?

Пока он лихорадочно подбирал слова, в зал вошёл герцог ПалаМал. Он появился так, будто не бежал по коридорам, спасаясь от драконьего гнева, а просто решил сменить локацию для более эффектного появления. Его фрак сидел безупречно, манжеты были накрахмалены до хруста, а в глазах читалось спокойное понимание того, что стиль — это стратегия, и сейчас стратегия требовала безупречных манер.

— Ваше... э-э... величественное пламя, — начал ПалаМал, слегка склонив голову, но не настолько, чтобы это выглядело как поклон. — Позвольте прояснить ситуацию. То, что вы приняли за акт агрессии, на самом деле было частью культурного обмена.

Дракон прищурился.

— Культурного обмена? — пророкотал он. — С кем? С металлом?

ПалаМал даже не моргнул.

— С пространством, — ответил он с такой уверенностью, будто это был официальный термин из дворцового устава. — В нашей традиции падение предметов — это способ диалога с архитектурой. Мы спрашиваем у зала: «Ты выдержишь?», а зал отвечает: «Да, если не слишком часто». Это своего рода ритуал уважения к прочности перекрытий.

Дракон задумался. Его хвост перестал стучать, что уже было хорошим знаком.

— То есть, — произнёс он медленно, — вы не пытались меня оскорбить?

— Напротив, — спокойно ответил ПалаМал. — Мы хотели показать, что ценим ваше присутствие настолько, что даже стены готовы подстраиваться под ваш масштаб.

Тут в зал вбежала Королева Охуэла. Она выглядела так, будто пыталась одновременно выглядеть царственно и не слишком запыхавшейся — и у неё почти получалось. За ней, едва поспевая, семенил шут Тантакли, который умудрялся даже в панике выглядеть так, будто он просто репетирует новый номер.

— Что здесь происходит? — спросила Охуэла, оглядывая дракона, опрокинутый подсвечник, Обосажу, который застыл в позе, напоминающей мольбу, и ПалаМала, который стоял так, будто только что не спас дворец от сожжения, а просто выбрал удачный ракурс.

— Мы ведём культурный обмен с мифологическим существом, — невозможно ответил ПалаМал.

Охуэла моргнула. Потом ещё раз.

— Понятно, — сказала она наконец, хотя по её лицу было видно, что ничего не понятно, но она решила довериться тому, кто выглядит так, будто контролирует ситуацию. — Тогда... продолжим?

Тантакли, не удержавшись, хихикнул:

— О, это будет легендарно! «Дипломатия через падение подсвечников»! Я уже вижу заголовок в придворной хронике!

Дракон посмотрел на него так, что шут мгновенно затих и сделал вид, что он — тень на стене.

— Итак, — продолжил ПалаМал, обращаясь к дракону с той интонацией, которой обычно предлагают гостям чай, — если вы позволите, мы могли бы организовать для вас небольшую экскурсию по дворцу. Чтобы вы могли оценить, насколько архитектура готова к вашему присутствию. И заодно показать, что мы не держим на вас обиды за... э-э... возможные последствия вашего пробуждения.

Дракон снова задумался. Потом фыркнул — и из ноздрей вырвались тонкие струйки дыма.

— Хорошо, — пророкотал он. — Но пусть тот, кто уронил подсвечник, идёт впереди. Чтобы я видел его лицо.

Все взгляды обратились к Обосажу.

Паж сглотнул, но потом расправил плечи. В конце концов, если уж быть героем, то пусть это будет герой, который ведёт дракона на экскурсию и попутно объясняет, почему в коридоре так много углов.

— Я... я пойду впереди, — тихо сказал он.

ПалаМал едва заметно кивнул ему — один короткий, едва уловимый жест, в котором было больше признания, чем в любых аплодисментах.

— Отлично, — сказал герцог, снова обращаясь к дракону. — Тогда начнём с галереи гобеленов. Там очень прочные потолки. И, что важно, они не падают.

И процессия двинулась по коридору: впереди — Обосаж, стараясь не дрожать и выглядеть так, будто он тут главный; за ним — дракон, чьи шаги заставляли пол слегка вибрировать; следом — ПалаМал, сохраняющий безупречную осанку, несмотря на то, что рядом с ним шёл

огнедышащий гигант; затем — Охуэла, которая пыталась совместить царственность с желанием просто присесть и выдохнуть; и замыкал шествие Тантакли, который тихонько бормотал себе под нос: «Это войдёт в историю. Обязательно войдёт».

Шторы вдоль коридора слегка шевельнулись, будто аплодировали. А где-то в глубине дворца уже назревала следующая катастрофа: кто-то забыл предупредить кухню, что сегодня на обед ожидается дракон. И это, судя по всему, обещало быть не менее эпичным.

Глава 4. «Вилка как оружие: дебаты века»

Зал Совета Четырёх Углов сегодня выглядел так, будто готовился не к обсуждению государственных дел, а к дуэли на столовых приборах. Стол был накрыт безукоризненно — серебр сияло, хрусталь переливался, а салфетки лежали с такой геометрической точностью, что казалось, их выравнивали циркулем. Но атмосфера была далека от безмятежной: в воздухе витало напряжение, острое, как зубцы вилки, с которой и начался весь переполох.

Всё началось с пустяка. Министр торговли, человек дотошный и педантичный, слишком уверенно подцепил кусочек пирога — и министр культуры, сидевший напротив, инстинктивно отодвинулся.

— Вы держите её так, будто собираетесь не есть, а защищать честь короны, — пробормотал он, нервно поправляя манжету.

Министр торговли замер, вилка застыла в воздухе, словно меч в кульминационной сцене эпической драмы.

— Это просто вилка, — холодно произнёс он.

— А выглядит как угроза, — парировал министр культуры.

И понеслось.

Через пять минут зал раскололся на две фракции. Фракция «Столовые приборы — это стиль» во главе с министром торговли утверждала, что вилка — это продолжение руки аристократа, инструмент изящества и символ цивилизованности. Фракция «Острые предметы — это угроза» под предводительством министра культуры настаивала, что любая вещь с зубцами может стать оружием, если ею владеет человек с твёрдым характером.

Королева Охуэла, наблюдавшая за этим с трона, чувствовала, как её мечта об открытии пекарни становится всё более привлекательной. «Там хотя бы спорят о пропорциях сахара, а не о том, можно ли проткнуть соседа этикетом», — мелькнула у неё мысль.

В этот момент в зал вошёл герцог ПалаМал. Он двигался с той особой грацией, которая заставляла даже сквозняки вести себя прилично. Остановившись у стола, он окинул собравшихся взглядом, в котором читалось спокойное понимание: «Опять дворец решил устроить революцию через сервировку».

— Господа, — произнёс он мягко, но так, что все невольно выпрямились, — полагаю, мы подошли к вопросу с излишней... прямолинейностью.

Министр культуры тут же повернулся к нему:

— Герцог, вы же понимаете, что если мы позволим трактовать вилку как элемент стиля, завтра кто-нибудь заявит, что кухонный нож — это аксессуар к платью!

ПалаМал едва заметно приподнял бровь — жест, который в его исполнении был опаснее любого клинка.

— Я бы не стал заходить так далеко, — спокойно ответил он. — Но позволю себе заметить, что в искусстве этикета важна не форма предмета, а намерение того, кто его держит. Вилка в руке дипломата — это приглашение к диалогу. Вилка в руке провокатора — это вызов. Разница не в зубцах, а в осанке.

Министры переглянулись. Кто-то кивнул, кто-то нахмурился, а министр финансов пробормотал:

— То есть если я буду держать её изящно, это уже не угроза?

— Именно так, — подтвердил ПалаМал с лёгкой улыбкой, которая могла растопить лёд и заставить сдаться даже самого упрямого оппонента.

Тут в зал ворвался шут Тантакли. Он вбежал так, будто не просто спешил, а исполнял акробатический номер: кувыркнулся через спинку стула, приземлился на одно колено и провозгласил:

— О, великие умы королевства! Я принёс решающий аргумент!

Он поднял над головой... обычную чайную ложку.

— Смотрите! — воскликнул он, размахивая ею так, что хрусталь в буфете нервно звякнул. — Если вилка — это оружие, то ложка — это щит! А нож для масла — это дипломатия: он ничего не режет, но все делают вид, что он важен!

Зал замер. Потом кто-то хихикнул. Потом ещё кто-то. И вот уже весь совет тихо посмеивался, глядя на Тантакли, который продолжал вдохновенно жестикулировать.

Охуэла прикрыла ладонью глаза, но в её взгляде мелькнула искра веселья.

— Тантакли, — сказала она, стараясь говорить строго, но голос всё равно звучал устало, — если ты сейчас не положишь ложку, я назначу тебя главным дегустатором всех блюд в подземелье.

Тантакли тут же «уронил» ложку с таким драматизмом, будто это был скипетр павшей империи, и поклонился:

— Как прикажете, Ваше Величество! Но помните: в истории останутся не те, кто избегал острых тем, а те, кто умел их красиво подавать!

Паж Обосаж, стоявший у колонны и мечтавший о подвигах, которые не связаны с убеждением драконов или ловлей корон, тихо вздохнул. Ему казалось, что в этом дворце даже завтрак может стать поводом для государственного кризиса.

— Ваше Величество, — прошептал он, подходя ближе, — может, предложить им... чай? Говорят, он успокаивает даже самых принципиальных спорщиков.

Охуэла посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Отличная идея, Обосаж, — сказала она чуть громче, чтобы услышали все. — Предлагаю объявить перерыв. Пусть каждый выпьет чашку чая и подумает: действительно ли вилка — это оружие, или это просто способ не брать еду руками.

Министры зашевелились. Кто-то с облегчением потянулся к чашке, кто-то всё ещё хмурился, но уже без прежней воинственности. ПалаМал слегка поклонился Охуэле — не как подчинённый, а как союзник, который ценит мудрое решение.

А Тантакли, улучив момент, тихонько шепнул Обосажу:

— Знаешь, в чём секрет дворцовой политики? В том, что самые опасные заговоры начинаются с фразы: «А давайте просто выпьем чаю».

Обосаж посмотрел на него с подозрением.

— Ты опять что-то задумал?

Тантакли расплылся в широкой, абсолютно невинной улыбке:

— Я? Да что ты! Я просто люблю чай. Особенно когда вокруг все спорят о вилках.

Когда слуги внесли подносы с чаем, атмосфера в зале начала меняться. Напряжение, которое ещё минуту назад звенело, как натянутая струна, стало понемногу рассеиваться. Министры брали чашки, осторожно пробовали напиток и, кажется, впервые за утро вспоминали, что они не только хранители государственных интересов, но и люди, которым иногда просто хочется спокойно выпить чаю.

ПалаМал, стоя у окна, тихо произнёс, обращаясь скорее к самому себе, чем к кому-то ещё:

— Иногда самое сильное оружие — это умение вовремя предложить чашку чая.

Охуэла улыбнулась. Её мечта о пекарне никуда не исчезла, но сейчас она чувствовала, что справилась с кризисом. Пусть и необычным способом.

За окном солнце заливало дворец золотистым светом, шторы слегка шевельнулись — будто одобрительно кивали. А где-то в глубине дворца уже назревала следующая катастрофа: на кухне закончился любимый сорт чая королевы. И это, судя по всему, обещало быть не менее эпичным, чем спор о вилках.

Глава 5. «Чаепитие, которое чуть не свергло монархию»

Тронный зал, как правило, предназначался для торжественных аудиенций, принятия присяг, объявления войн и — в особо тяжёлые дни — для попыток убедить дракона, что паркет не стоит поджигать. Но сегодня он служил совсем иной цели.

Когда Королева Охуэла вошла в зал, её первым ощущением было: «Здесь пахнет не властью, а ванилью и свежее испечённым печеньем». Вторым — что трон будто бы слегка отодвинули, чтобы освободить место для чайника.

А потом она увидела их.

Слуги.

Не те, что стоят по углам с каменными лицами, а настоящие: живые, смеющиеся, с чашками в руках. Старший дворецкий чинно размешивал сахар серебряной ложечкой, повариха из южной кухни что-то горячо объясняла кастелянше, размахивая круассаном, словно указующим перстом, а юный помощник конюха сидел на нижней ступеньке трона и выглядел так, будто это самое естественное место в мире.

На мгновение Охуэле показалось, что она попала в другой дворец. Или в сон. Или в очень дерзкий заговор.

— Что... — начала она, подбирая слово, которое могло бы описать происходящее без немедленного объявления ареста.

И тут все замерли.

Тишина повисла в воздухе, тяжёлая и звенящая, как хрустальная люстра в момент, когда её едва не задевают шваброй.

Потом старший дворецкий медленно поднялся, расправил манжеты и, глядя Охуэле прямо в глаза, произнёс:

— Ваше Величество, не желаете ли чашечку? Это новый сорт — его привезли с восточных плантаций. Говорят, он раскрывает характер.

Охуэла моргнула.

Ей предлагали чай. В тронном зале. Во время тайного чаепития.

Она могла бы вспылить. Могла бы потребовать объяснений. Могла бы объявить это государственным преступлением и отправить всех на кухню чистить лук до рассвета.

Но вместо этого она вдруг поняла: если она сейчас закричит, то потеряет нечто куда более ценное, чем этикет. Она потеряет доверие тех, кто держит этот дворец на своих плечах.

— Спасибо, — тихо сказала она, подходя ближе. — Пожалуй, я не откажусь.

Дворецкий едва заметно выдохнул — так, будто только что удержал на весу падающую люстру. Он налил чай в изящную чашку с золотой каймой и протянул её Охуэле с таким видом, словно вручал не напиток, а государственную награду.

— С молоком или без? — спросил он, и в его голосе звучала та самая почтительность, которая бывает только у людей, знающих, что они только что перешли черту — и надеются, что их поймут.

— Без, — ответила Охуэла, принимая чашку. — И... расскажите, почему здесь?

Кастелянша, до этого момента прятая глаза, вдруг подняла голову:

— В буфетной слишком шумно для тонких бесед. Там всё время спорят о том, какой сервиз «достойн» сегодняшнего дня, и это... отвлекает от чая.

Повариха кивнула:

— А здесь тихо. И... торжественно. Как будто сам чай становится важнее.

Охуэла посмотрела на них — на этих людей, которые каждый день делали так, чтобы дворец жил, дышал и не разваливался от собственной пышности. И вдруг ей стало стыдно за то, что она никогда не задумывалась, каково им здесь.

В этот момент в зал влетел шут Тантакли. Он появился так, будто не просто вошёл, а совершил акробатический манёвр сквозь невидимые препятствия: перекувыркнулся через подлокотник кресла, приземлился на одну ногу и замер в позе, которая должна была означать «я тут случайно, но очень вовремя».

— О! — воскликнул он, оглядывая сцену с восторгом коллекционера, нашедшего редкую монету. — Чаепитие в тронном зале! Это же гениально! Это не бунт, это культурный прорыв!

Все снова замерли, будто ждали, что Охуэла сейчас хлопнет ладонью по столу и объявит: «Арест всех присутствующих!»

Но Тантакли уже не мог остановиться. Он вскочил на стол (что было нарушением сразу трёх дворцовых уставов), раскинул руки и провозгласил:

— Дамы и господа! Перед нами — величайший эксперимент по народной дипломатии! Мы не просто пьём чай, мы строим мосты между сословиями! Кто знает, может, именно за этой чашкой родится новый закон: «О праве на тихий разговор без свидетелей!»

Охуэла смотрела на него и чувствовала, как напряжение в зале начинает рассеиваться, словно туман под тёплым ветром.

— Тантакли, — произнесла она спокойно, но с той интонацией, которая заставляла даже самых дерзких шутов задумываться о последствиях, — если ты сейчас не сядешь, я назначу тебя главным дегустатором всех блюд в подземелье.

Тантакли тут же плюхнулся на стул, но улыбка у него осталась — широкая, дерзкая и подозрительно довольная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.